

Формирование культурно-бытовых норм (в том числе норм жилищного строительства и благоустройства) в малых городах дореволюционной России происходило под влиянием сословной структуры и занятий их жителей. В XIX веке более половины населения Карсуна составляли крестьяне, занимавшиеся земледелием и домашним скотоводством. Неудивительно, что вплоть до начала XX века уездный городок отличал «достаточно архаичный, полусельский быт», характерный для многих городских поселений

Хороший городок

Сословно-профессиональный состав населения Карсуна определили особенности его исторического развития. Основанный в 1647 году как город-крепость на юго-восточном рубеже Московского государства, он изначально был заселён разными категориями служилых людей. Во второй половине XVIII века в Карсуне из числа «регулярных» горожан проживало всего 39 человек... иногородних мещан. Ни купцов, ни цеховых в городе не было. Большинство населения – 3232 чел., или 94,2 % (больше, чем в любом другом уездном городе Сим-

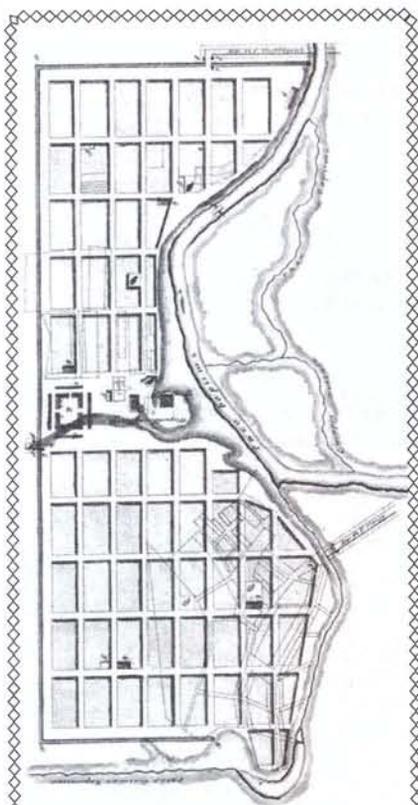
бирского наместничества) – составляли пахотные солдаты – «прежних служб» стрельцы, пушкарки и казаки. Крестьянское население преобладало в Карсуне и в XIX – начале XX века (в 1897 году крестьяне составляли 58,6 % от общего числа городских жителей, тогда как «привилегированных» горожан насчитывалось менее 8,4 %, из них дворян и чиновников – 5,6 %).

Основным занятием значительной части карсунцев (включая мещан) вплоть до начала XX века являлось земледелие. Карсунский городской голова Пастухов докладывал симбирскому губернатору в августе 1892 года: «Большинство местных жителей... занимаются хлебопашеством на арендуемых у города землях».

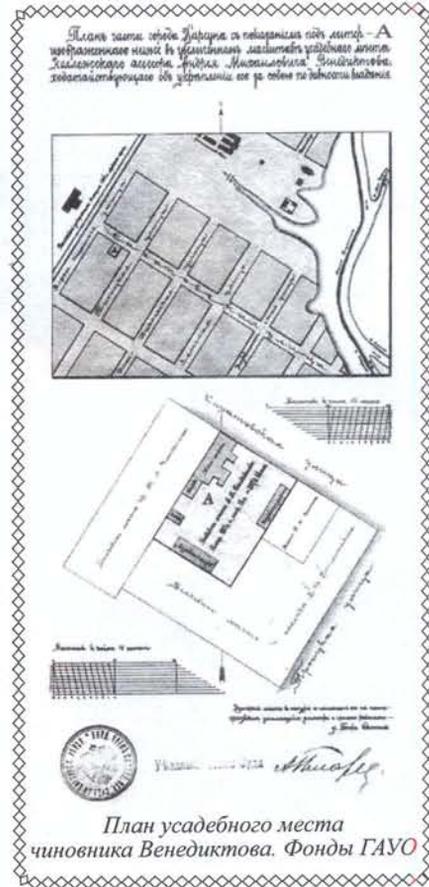
О характере жилой застройки Карсуна первой половины XIX века можно судить по немногочисленным делопроизводственным документам, хранящимся в Государственном архиве Ульяновской области, и объявлениям о продаже домов, помещённым в «Симбирских губернских ведомостях». Источники свидетельствуют о существовании в городе разных вариантов жилых построек – от простых однокамерных «келий» и изб до сложных 2–3-х камерных с вертикальным развитием домов с мезонином.

Безусловно, размеры и варианты жилых и хозяйственных надворных построек зависели не только от сословного положения, но и от благосостояния их владельцев: начальнику карсунской инвалидной команды подпоручику Соболеву принадлежал «дом с мезонином из красного соснового леса» и «флигель со службами к нему» общей стоимостью 628 руб. 57 ¼ коп., мещанину Голощапову – флигель «с разным надворным строением», стоимостью 45 руб. 28 ½ коп., солдатке Васильевой – келья, оцененная «не более как на три рубля». А вот основным строительным материалом на протяжении

XIX века оставался лес, которым тогда изобилывал Карсунский уезд. Сенатор П.И. Сумароков, проезжая в 1838 году через «хороший городок» Карсун, записал в путевой дневник, что «в нем каменного строения только одна церковь и два, три дома, с лавками, по обе стороны». Всего же домов в ту пору насчитывалось 584 (при числе жителей 3709 человек). Более полно характер застройки города раскрывают делопроизводственные документы, появившиеся после пожаров 1845 и 1847 годов. Статистическая обработка описей сгоревших крестьянских до-

Высочайше утвержденный регулярный план Карсуна 1804 года

План усадебного места чиновника Венедиктова. Фонды ГАУО

мовладений свидетельствует о том, что в середине XIX века массовая жилая застройка Карсуна в целом не отличалась от застройки в сельской местности. Наиболее распространённой жилой постройкой являлась рубленая из сосны, реже из липы, осины или «разного леса» изба, либо её композиционные варианты: чаще – изба-сени, изба-сени-чулан, изба-сени-клеть; реже – изба-сени-изба, изба-сени-подклет, изба-сени-горница. Основным материалом покрытия жилища небогатых горожан служила солома, состоятельных – тёс.

После утверждения императором Александром I в 1804 году регулярного плана Карсуна была проведена перепланировка кварталов и усадебных мест. Новые постройки отныне возводились только «с непосредственного позволения карсунского Городнического правления» и «по Высочайше подтверженному фасаду», т.е. с использованием типовых проектов, утвержденных в столице. Качество и тип возводимых вновь строений определяли существующие традиции застройки и материальный достаток конкретных горожан. Соблюдение правил Строительного устава не было ещё нормой при возведении построек частными лицами. Несмотря на то, что самовольные сооружения подлежали по закону слому, строительство «без разрешения местного начальства» велось практически всеми категориями горожан. Причём в большинстве случаев это делалось индивидуальными застройщиками сознательно, вопреки требованиям, предъявляемым к ним городской администрацией. Например, в 1859 году городничий Мармазинский рапортовал Симбирской губернской строительной и дорожной комиссии о том, что причетник Архангельской церкви И.Г. Андреяновский «выстроил земляную баню расстоянием не более 25 сажень от церкви и противу моего на то запрещения, он уклонился грубыми ответами, что он имеет на своей собственности строить всё, что ему угодно».

Описание «домашнего быта» карсунцев, опубликованное в «Симбирских губернских ведомостях» за 1854 год, дополняет скудные данные описей. Его автор, И. Байсупин, так характеризует «наружный вид жилища... простолоудина» из крестьян: «...с улицы изба в два или три окна с красными наличниками и ставнями, покрытая соломой, иногда и тесом в застреху, ...сверх соломенной крыши выведена четвероугольная кирпичная труба, в которую вделана другая круглая из горшечной глины, или большей частью на обыкновенной трубе ста-

вят горшок или корчагу с пробитым дном: это делается для безопасности соломенной крыши от огня...». Дома зажиточных крестьян представляли собой «две избы, с таким же точно размещением, как и у прочих крестьян, но почище отделанные и с белой топкой», имели «просторные теплые сени с клетями и подклетами» и 5 или 7 окон «с лица», из которых, однако, 2–3 средних были «фальшивыя». Последняя черта особенно интересна. Оконная бутафория свидетельствует о том, что в Карсуне имел место компромиссный вариант фасадной типизации жилой застройки: номинально число окон с улицы соответствовало «правилам благолепной архитектуры», реально – экологическим нормам освещённости и эргономичности русского крестьянского жилища. В качестве кровельного материала жилища использовался тёс по лубу «под гвоздь».

Жилища представителей городских сословий (солдат, мещан и купцов) по камерности, этажности, строительному материалу в это время практически не отличались от «обыкновенных» и богатых крестьянских домов. Несмотря на то, что статус уездного города способствовал постепенному изменению облика жилой застройки Карсуна (горожане вынуждены были следовать градостроительным предписаниям властей), консерватизм крестьянской культуры сдерживал внедрение прогрессивных форм в городское жилищное строительство. Посетив Карсун в марте 1865 года, симбирский губернатор барон И.О. Велио нашёл, что в нём «видна, общая для всех уездных городов Симбирской губернии, бедность и нечистота, на окраинах города виднеются крытые соломой крыши, на улицах без тротуар непроходимая грязь и навоз, только на базарной площади и главной улице не было заметно навоза, соломы и мусора». Осмотрев город год спустя, губернатор отметил, что ему «встречались постройки ветхие и угрожающие разрушением, также многие домашние службы покрыты соломой».

Планировка усадебных мест также была связана с русской сельской традицией. Обыкновенно усадьба делилась на две части – двор со строениями и огород или сад (иногда с пчельником или гумном «на задах»). Эти функциональные части отделялись друг от друга изгородью или хозяйственными постройками. На протяжении всего рассматриваемого периода бытовала П-образная, двурядная и однорядная связь надворных строений. Об этом, в частности, свидетельствуют формулировки типа «сарай и хлевы кругом двора», «сарай с плетнями

кругом двора», «10 звен кругом двора заборов и сараев» и т.п. В то же время, отмечены случаи беспорядочного расположения хозяйственных служб. Так, например, купец И.Я. Маслов без согласования с городничим «поставил пятистенный амбар посреди двора, тогда как его усадебное место (было) довольно пространно...».

Жилая застройка третьего по значимости уездного города губернии стала приобретать новые черты только в последней четверти XIX века, когда под воздействием административных мер крестьянские традиции возведения жилых построек постепенно растворялись, нивелировались в городской градостроительной культуре. Строительство жилья по типовым проектам и образцовым чертежам привело к распространению в Карсуне деревянных домов на высоком кирпичном фундаменте-подклете, домов комбинированного типа (первый этаж кирпичный, второй деревянный) и 1–2-х этажных каменных домов. В то же время сохранялась традиция возведения жилых построек на «поставках» – деревянных или каменных «стульях». В начале XX века отмечается рост качества, добротности массовой жилой застройки, а также её индивидуализация, связанная, в первую очередь, с различиями в наружной отделке жилища. Многие зажиточные крестьяне и мещане, по примеру купцов, чиновников и дворян, строят пяти- или шестистенные дома. Примечательный факт: некоторые карсунские старожилы «домом» называют именно пяти-шестистенник, а обычную четырехстенную постройку именуют «флигелем».

Александр Кузнецов

фото автора